

ПОСЛЕ долгого дня раздумий и работы он убирал со стола все бумаги, все следы его единоборства со словом. На столе оставались шаровидная стеклянная чернильница с крышкой, составляющей часть этого шара, и алюминиевая коробка с карандашами и ручками. Он любил писать фиолетовыми чернилами и вышедшими из моды перьями с расщепом. Ему нравилось, он привык макать перо в чернила и вести его по бумаге, применяя разную силу нажим.

Справа от стола, стоявшего посредине большой рабочей комнаты на втором этаже, был виден сад и огород, а за забором расстилось поле — вспаханное, то цветущее, то по-осеннему пустынное, то заснеженное. Это поле казалось продолжением его рабочего стола.

Теперь за полем на взгорке под тремя соснами его могила.

Он жил без оглядки, жил днем сегодняшним, а всего вернее — будущим, полагая, что поэт должен слышать «будущего зов». «Пора дорогому будущему дать» — это не восклицание, а выношенная в опыте жизни мысль.

Он искал не фразу, он искал смысл:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути,
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Облик этого человека, этого Поэта с годами становится все полней и ближе к нам, он освобождается от версий и ересей, от всего несвойственного ему, но что приписывали ему злонамеренные люди. Начав творить еще до революции, он зрелые и поздние годы провел в пору сталинщины, пропуская через свое неизмеримо чуткое и доброе сердце все беды, выпавшие на долю земляков-современников.

Не без боли он утверждал: «Множество ложных взглядов стало догматами потому, что они утверждаются всегда в паре с чем-нибудь другим, неопровержимым и даже священным, и тогда как бы часто благодати с этих абсолютных бесспорностей переходит на утверждения, далеко не для всякого обязательные». Здесь есть над чем подумать.

Его не подпадающие записи речевые переходы, его переходы от темы к теме, от мысли к мысли — все это было толчком к дальнейшим раздумьям, пробам, ученью. Это была незаменимая и единственная в своем роде школа. Личность человека, его умение по-своему, по-пастернаковски существовать на людях, общаться с ними, его образ мыслей и способ высказывать их заодно, конечно, с его стихами, прозой, переводами, письмами были наглядным примером. Личный пример! В искусстве это значит так же много, как в науке, в семье, в воинском деле.

До литературы в жизни Бориса Пастернака была философия, было учение в Марбурге у известного неокантианца Когена, предлагавшего молодому москвичу докторантуру. Пастернак отказывается.

До философии была музыка — сильное увлечение. В доме постоянно звучали фортепьянные пьесы. Мать поэта — известная пианистка, ученица Антона Рубинштейна. Теория и композиция под руководством Энгеля и Глиэра. Кумиром молодого композитора был Скрябин, одобрявший опыты Пастернака. «...жизни вне музыки я себе не представлял... музыка была для меня культом, то есть той разрушительной точкой, в которую собиралось все, что было самого суеверного и самоотреченного во мне». Но Пастернак отказался и от музыки.

До музыки было детство, живопись отца — известного художника, иллюстратора Толстого. В доме бывали лучшие художники эпохи: Серов, Врубель, Коровин, Васнецов, Трубецкий,

Ге. В залах Училища живописи и ваяния устраивались выставки, перед глазами подростка и юноши прошла «добрая половина картинных запасов нынешних галерей и государственных хранилищ».

Ни живопись, ни музыка, ни философия не пропали для Бориса Пастернака бесследно. Уже первые его книги «Сестра моя — жизнь» и «Поверх барьеров» показали, что в литературу пришел сильный художник, соединивший в себе пластику, мелодику, мысль. Эти начала присутствуют во всем творчестве Пастернака, вне зависимости от жанра

аукалось в завтра и, раскатываясь, бежало дальше, словно слыша голоса грядущего.

Внешне стих Пастернака по строфике и ритмике вполне соответствует русской классической традиции. Но все дело в том, что традиция была взорвана изнутри. Как это произошло? Пастернак учел опыт не только поэзии символизма, но и футуризма — Маяковского прежде всего. По своим художественным характеристикам они антиподы — Пастернак и Маяковский. Первый обращен к каждому в отдельности, второй — ко всем вместе. Отсюда разница в по-

Борис Пастернак стал явлением духовной жизни, духовности, сочетающей естественность с культурой.

Перед нами поэт, верный «тайной свободе» (слова Блока), той свободе, которая диктует ему строки безбоязненные и донельзя смелые, отчаянные, подчас любовные.

В концовке поэмы «Высокая болезнь» (1924) читаем: Я думал о происхождении Века связующих жагот.

Предвестьем льгот приходит гений

И гнетом смстит за свой уход. Только в одном издании была

вспыхивая по многим и разным общественным и личным поводам. Начавший с восторга перед жизнью и человеком, Борис Пастернак в самом конце жизни произнес слова (уже за пределами его последней книги «Когда разгуляется»):

Я человека потерял
С тех пор, как всеми он
потерян.

Как звучат эти слова после фарисейских слов Сталина о человеке — наибольшем нашем капитале! Человек, которого «отец народов» укорачивал всего лишь по голове, выразил себя в позднем афоризме Пастернака.

Он интересовался всем, что относилось к современной ему жизни. Голодом на Украине в 1931—1933 гг. «Ликвидацией кулачества как класса», вылившейся в уничтожение крестьянства. Новостями физики и математики. Может быть, в последнюю очередь интересовался литературой, потому что благородно противостоял хорошему воспеанию ненависти и террора. Он категорически отказался подписывать «писательскую» поддержку смертного приговора Бухарину, Рыкову, Радеку и другим.

Есть в Пастернаке черта, которая обычно не замечается.

Трагическое начало в его творчестве всего заметней. Но оно оттеняется хотя и редкой у него, но едкой иронией. Казалось бы, безысходное все же находило выход в горькой усмешке. В «Ветре» (четыре отрывка о Блоке) читаем:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв
и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.
Не знал бы никто, может
статься,
В почете ли Пушкин или нет,
Без докторских их диссертаций,

На все проливающих свет.
Он чувствовал, Пастернак, эту ироническую, пародийную ноту, ценил непринужденность и комизм. Это была тоже «сестра моя — Жизнь».

СРАВНИТЕЛЬНО недавно астрономы трем планетам между Марсом и Юпитером присвоили имена русских писателей — Федора Достоевского, Михаила Булгакова, Бориса Пастернака.

Русский читатель, читатель всего Советского Союза знакомился с Борисом Пастернаком по мере выхода его книг на протяжении нескольких десятилетий. Для многих людей вне России, вне Советского Союза познание Бориса Пастернака началось с «Доктора Живаго» — увыв, со скандала вокруг романа. Однако со временем, углубившись в чтение стихов и прозы этого автора, и эти читатели поняли, что перед ними исключительно важное явление литературы, еще шире — духовной жизни XX века. Перед ними мощный художник слова, развивающий традиции русской классики в новых исторических условиях.

Примат естественности и совестливости над обычаем словесного самоцельного экспериментаторства, психологическая и философская глубина постижения мира и души человеческой при яркой стереоскопичности образов — вот притягательные черты художнического облика Бориса Пастернака. Вне зависимости от жанров и видов его творчество решительно противопоставит быстропроходящим, пусть и ослепительным и шумным эффектам. Оно все-таки и всецело обращено к человеку и желает одного: «...быть живым, живым и только, живым и только — до конца».

Лев ОЗЕРОВ.

Снимок 1948 года. Из архива семьи Б. Пастернака.

ЧУДОТВОРСТВО

К 100-летию со дня рождения Бориса Пастернака

литературы. Это разные грани кристалла, именуемого Борис Пастернак.

ОН СДЕЛАЛ открытие, исходившее из особенностей его характера, его личности. Предшественники — символисты прочитывали творчество как выражение жизни поэта. Пастернак решительно отказался от «жизни поэта» ради самой жизни, можно писать с большой буквы — Жизни. «Сестра моя — жизнь» — книга стихов, созданная летом 1917 года. Ее Пастернак считал действительно первой. В ней его кредо. Мы слышим убедительную, страстную, захлебывающуюся от восторга апологию чуду Жизни, чуду бытия. Жизнь, разбившаяся «весенним дождем обо всех», плачущие сады, степи, грозы, рассветы — все это избыточно наполняет стихи, выражая жажду разумного существования и соучастия в нем. Он был по духу человек Возрождения. Возрожденец, угодивший в эпоху жестокого террора и подавления человеческого достоинства.

Речевые фильтры символистов, не пропускавшие слова житейского обихода, недостаточно, что ли, поэтичные, бытовые, Пастернак отменил. Он впустил в свою поэзию язык обихода. Нет непригодных слов, все годятся, дело решалось их уместностью и верностью в передаче оттенков смысла. Здесь Пастернак не знает равных себе. Там, где у символиста просто «цветок», у Пастернака — матиола, крученый паныч, ночная красавица, тубероза. Словарь Пастернака огромен и разнообразен, он выражает окружающее, Жизнь.

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом
в третьем классе,
Ты — природ.

Да, конечно, у Пастернака нет «осанки сладкогласца». Он жил в пригороде. Он в вагоне третьего класса.

О такого рода людях говорят: жизнелюб, оптимист. Но для Пастернака этого явно недостаточно. Он был не только голодом природы, певцом природы, он был сколком природы, ее частью, ее звуковым лицом. Казалось, природа создала его для того, чтобы выразить себя, свои состояния, свои скрытые в камне и траве, ручье и молнии значения.

Тишина — ты лучше
Из всего, что слышал.

Он был голосом и этой тишины, которая до поры до времени таит в себе слово, созревающее в ее недрах слово. У Пастернака не было ничего заготовленного впрок. Он творил тут же, непреднамеренно, просто, душно, бескорыстно, забывая о себе, о существовании принятого в данное время искусства. Его слово, произнесенное сегодня,

этике. У Пастернака — тонкость ассоциаций, сложный синтаксис. У Маяковского — бросается плакатом, простой синтаксис.

К слову «реализм» обычно добавлялись эпитеты: критический, социалистический и т. п., и т. д. Эпитеты не уцелели. Пастернак, как известно, восторгался романтиками, так их не именуя. Но он дал понять, что романтизм — начало, произвола, хаотичности, желания говорить от себя и о себе, в большей степени, чем о Жизни. Реализм, о котором Пастернак говорит в очерке о Шопене, верен не произволу, а правде чувств, у него структурная почва. Жизнь, а не поэт, — основа творчества, основа реализма.

РЕМЕСЛО, ремесло — прекрасное слово. Свое ремесло поэтесса Каролина Павлова называла святым. По этому же пути шла Марина Цветаева. Борис Пастернак рано постиг ремесло, которое естественно перетекло в мастерство, а далее — в волшебство. Но он достиг того, что сам определил как чудотворство.

Прощай, размах крыла
расправленный,
Полета вольное упорство
И образ мира,

в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.
Вот почему останавливаться на признании высокого мастерства поэтического и прозаического слова в данном случае недостаточно.

эта строфа, позднее она во всех прижизненных изданиях отсутствовала. Таких воспаленных слов мы не слышали в ту пору. Они грозили отсекинением головы. У нас принято думать, что Пастернаку ставили в вину только роман «Доктор Живаго». Это неверно. Проработка Пастернака началась с тридцатых годов. Его принято было называть во внутреннем эмигрантом, то субъективным идеалистом, то отщепенцем и, конечно же, «чуждым народу».

Я пропал, как зверь
в загоне.

Где-то люди, воля, свет.
А за мною шум погони.
Мне наружу ходу нет.

И далее:
Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Над ним глумились. Он был злостно и нагло затравлен. И, восторженный певец Жизни, в конце жизни он сказал близким, что расстается с ней без сожаления.

Его изображали небожителем, человеком не от мира сего, отрешенным, одиночкой. Мол, в нашу бурную эпоху он смеет спрашивать: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» Но это была попытка подключиться к вечности, без которой нет большого поэта. Такой поэт «вечности заложник у времени в плену». Плен времени был жесток и долгот. Но заложнику положено терпеть. И он терпел,

1990

Пастернак Б. С.